

полагая, что хуже чем в СССР быть уже не может, и действительно части из них удалось это сделать.

Список источников и литературы

1. Głowacki, A. Sowiesi wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej Polskiej 1939–1941 / A. Głowacki. – Wyd II. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1998. – 695 s.
2. Азриэли, Д. На шаг впереди. Мемуары: 1939–1950 / Д. Азриэли. – Иерусалим : Яд Вашем, 2002. – 175 с.
3. Толочко, Д.М. Количество и состав беженцев из Польши на территории Беларуси (сентябрь – декабрь 1939 г.) / Д.М. Толочко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2006. – №2. – С. 21–27.
4. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). Ф.4. – Оп. 41. – Д. 195.
5. Там же. – Оп. 21. – Д. 1748.
6. Там же. – Оп. 3. – Д. 869.
7. Там же. – Оп. 21. – Д. 1681.
8. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее: ГАОО Гом.обл.). Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 128.
9. Лазько, Р.Р. Паход Чырвонай Арміі на Захад у верасні 1939 г.: погляд з Усходу / Р.Р. Лазько // Беларускі гістарычны сшытак. – Беласток, 2000. – № 13. – С. 21–32.
10. НАРБ. Ф.4. – Оп. 41. – Д. 177.
11. Там же. – Оп. 21. – Д. 2075.
12. Комуніст. – 1939. – 6–7 лістапада.
13. ГАОО Гом.обл. Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 64.
14. НАРБ. Ф.4. – Оп. 21. – Д. 1682.

УДК 94(438)''1939'' : 316.64 (=161.3)

А. М. Кротов

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

ВОСПРИЯТИЕ БЕЛОРУСАМИ ТРАГЕДИИ ПОЛЬСКОГО НАРОДА И ПОЛЬШИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА

В статье анализируется восприятие белорусами трагедии, произошедшей

с Польшей и польским народом в сентябре 1939 г. Делается вывод, что советская пропаганда сделала многое для того, чтобы актуализировать негативный стереотип поляка, являющийся частью национального восприятия белорусов, и осовременить его. Сформированный ею образ врага во многом не позволил белорусам адекватно оценить трагедию, постигшую Польшу и польский народ, проявить к беженцам из Польши необходимое соучастие и чуткость.

Советско-польские отношения в межвоенный период были очень непростыми. Помимо ставшего уже историческим противостояния между Польшей и Россией, в нём присутствовала и новая идеологическая составляющая. Польша, которая уже несколько веков являлась «защитницей западной цивилизации» от азиатской Московии, брала на себя миссию защиты демократического Запада от большевистской России. С советской же стороны Польша рассматривалась как несамостоятельное, нежизнеспособное государство, используемое мировой буржуазией в её инспирациях против СССР. Захват Польшей Западной Беларуси и Западной Украины ставил советско-польские отношения на очень зыбкую основу. Было очевидно, что при удобном стечении обстоятельств СССР попытается эти территории вернуть.

Советская пропаганда и, прежде всего, – белорусская советская пропаганда – делала многое для того, чтобы создать образ поляка-националиста, шовиниста, контрреволюционера, слепо служившего интересам мирового империализма. Этот образ строился на основе негативного стереотипа поляка, существовавшего на обыденном уровне массового сознания белорусов, придав ему необходимую в тот исторический период политическую остроту.

17 сентября 1939 г. СССР вступил во Вторую мировую войну. Формальным основанием для этого стала забота о том, чтобы брошенные «на произвол судьбы» белорусы и украинцы не оказались беззащитными в условиях краха польского государства. Хотя действия СССР и были мотивированы благородной целью, они являлись нарушением международного права и соглашений, подписанных правительствами СССР и Польши: Рижского мирного договора 1921 г., договора о ненападении 1932 г. (продлённого в 1934 г.), а также лондонских конвенций 1933 г. об определении агрессора, которые признавали в качестве такового государство, вооружённые силы которого хотя бы и без объявления войны вторгнутся на территорию другого государства [1].

18 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике, в котором говорилось, что действия двух государств не

противоречат «духу и букве пакта о ненападении» и что их задача состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие... и помочь населению... перестроить условия своего государственного существования» [2, с. 317–318]. Это означало, что Германия и СССР обязывались сотрудничать в решении «польского вопроса». 28 сентября 1939 г. СССР и Германия заключили между собой договор «О дружбе и границе» [3], который был грубейшим нарушением важнейших принципов внешней политики, и который вызвал резкое осуждение со стороны мировой общественности его участников как агрессоров.

И хотя во Вторую мировую войну СССР вступил как союзник Германии, 22 июня 1941 г. ситуация коренным образом изменилась в связи нападением Германии на СССР. Последний превратился из агрессора в жертву захватнической политики своего недавнего партнёра. Несправедливая вначале война превратилась в войну справедливую, за свободу и независимость народов СССР, за само их существование. Что же касается оценки действий СССР в сентябре 1939 г. белорусской стороной – ни в советское, ни в постсоветское время никто не сомневался, что “освободительный поход Красной Армии” имел огромное положительное значение для белорусского и украинского народов, позволив, в частности (кто бы и что бы сегодня не заявлял), воссоединить белорусский народ в границах его национальных территорий, и дать возможность белорусам самим строить своё национальное и государственное будущее.

Белорусы (советские и те, кто в результате воссоединения стал советскими), конечно же, не очень разбирались в хитросплетениях тогдашней международной политики. Находясь под влиянием коммунистической пропаганды, они целиком верили коммунистической партии и советскому правительству. А те, кто не верил, считали за лучшее молчать, ибо, как известно, сомневаться в правильности внешнеполитического курса СССР, как и многого другого, было небезопасно для жизни.

Население Советской Беларуси встретило известие о начале похода за освобождение Западной Беларуси и Западной Украины с большим воодушевлением. Часть белорусского населения Западной Беларуси также приветствовала Красную Армию, связывая с её действиями надежды на освобождение от национального угнетения. Отношение польского населения было враждебным и для этого были свои серьёзные причины. Во-первых, на протяжении многих поколений польский народ вёл борьбу против российского господства и принёс на алтарь победы многочисленные жертвы. Во-вторых, навый раздел Польши её прежними поработителями окончательно

убеждал поляков в справедливости польско-германской и польско-русской вражды.

Однако нельзя не отметить, что в ряде случаев, когда польские военные попадали в ситуацию выбора и вынуждены были решать, перед каким из своих противников сложить оружие, они выбирали Красную Армию. Например, командующий обороной осаждённого немцами Львова генерал Лянгнер посчитал за лучшее сдать город советскому командованию. Он заявил: «Они, германцы, враги всего славянского, а вы – славяне» [2, с. 318]. Между тем, советское командование и не думало выполнять условия капитуляции – оно не разрешило польским подразделениям свободный проход через территорию, занятую советскими войсками, в сторону Венгрии и Румынии. После выхода из Львова солдаты и офицеры Львовского гарнизона были отправлены в лагеря для военнопленных.

Таким образом, практика войны подтвердила самые худшие ожидания поляков. Вступив первыми в бой с германским фашизмом, они не получили со стороны соседних восточнославянских народов ни сочувствия, ни поддержки. Даже наоборот – военное поражение Польши и крах польского государства воспринимались на востоке с радостью и воодушевлением, как исторически предрешённая кара поляков за великодержавный шовинизм, угнетение национальных меньшинств и пренебрежение к ним.

Как уже было сказано, со времени советско-польской войны 1920 г. в Советской Беларуси создавался образ Польши – заклятого врага советской власти и отравленного ксенофобией польского народа. Что же касается белорусов «кресов восточных», то у них и без советской пропаганды были все возможности для того, чтобы прочувствовать это. «Хозяева кресов» не ставили перед собой задачи уважать и защищать права коренного населения и, более того, сознательно нарушали их на каждом шагу.

В результате, в середине сентября 1939 г., в этот тяжкий для Польши и польского народа час, на «кресах» началась борьба с польским элементом. Местные белорусы сводили с ним кровавые счёты. В первую очередь это касалось польских землевладельцев, государственных служащих, полицейских и военных.

В то же время население Советской Беларуси находилось как бы в стороне, в роли наблюдателей военной акции, направленной на объединение белорусских земель под эгидой БССР и на наказание поляков. В том, что они давно заслужили это наказание, почти никто не сомневался – усилия большевистской пропаганды по созданию образа врага, смыслом существования которого будто бы было уничтожение советской власти и СССР достигли своей цели.

Для объективности необходимо отметить, что поляки действительно не были лояльным к советской системе элементом. В частности, даже бывший польский разведчик, майор Влодзимеж Дамбровский, признавал, что в 1925 – 1929 гг. по приказу шефа отдела разведки (2-й отдел Генерального штаба Войска Польского), во многих городах Беларуси создавались диверсионные ячейки, и опирались они в своей деятельности исключительно на польский элемент. Дамбровский также свидетельствует, что большинство командиров таких ячеек прошло в Польше диверсионную подготовку [4].

С 1929 г. по середину 1930-х гг. по целому ряду причин польская разведка вынуждена была прекратить свою активность на востоке и как раз в это время польский элемент здесь попал под жёсткий прес советской контразведки. Многие поляки, отказывались от своей национальной принадлежности, записывались белорусами, хорошо понимая, что документальное засвидетельствование польского происхождения ничего иного, кроме проблем и риска для жизни не даст.

Одним словом, в Беларуси складывалась такая ситуация, что поляки не считали возможным для себя искать здесь спасения от гитлеровцев, боясь попасть “из огня да в полымя”. Они находились под эмоциональным воздействием тех самосудов, убийств и ограблений, которые происходили в сентябре 1939 г. в момент входа подразделений Красной Армии на “кресы”. Чаще всего эти преступления осуществлялись руками местных белорусов, которые стихийно объединялись в партизанские отряды. Однако же, советские военные власти не очень стремились их сдерживать. К тому же и сами военнослужащие, случалось, совершали преступления. Нередкими были случаи, когда дела доходили до суда и даже выносились суровые приговоры. Всё ж таки, несмотря на желание советской власти казаться справедливой, само её появление на “кресах” большинством поляков воспринималось как вызов и возбуждало желание отмстить. Люди, которые находились в таком психологическом состоянии, не могли, да и просто не желали связываться с СССР надежды на своё спасение.

Однако же это не касалось граждан Польши еврейского происхождения. Евреи составляли большинство беженцев, которые оказались на территории Западной Беларуси во время военных действий. Связано это было, во-первых, с тем, что евреи не занимались сельским хозяйством, и потому легко ступали на путь беженства. Во-вторых, brutality немецких войск заставляла их быстро, не колеблясь, принимать решение о спасении на востоке. Между тем, не лишним будет сказать, что потом, когда беженцы

убедились, что ситуация тут не являлась настолько хорошей, как им бы того хотелось, начались рассуждения о возвращении под немецкую оккупацию.

Советские власти стали перед проблемой, что с этими беженцами делать. Они, по причине своей квалификации (и не только), не очень стремились к работе в колхозах и совхозах. Большую группу еврейских беженцев составляли люди интеллигентных профессий. Беженцы концентрировались в больших городах, в которых и так пролетариат жил в большой нужде, и потому был скуп на сочувствие и благотворительность.

Безработица вынуждала беженцев заниматься незаконной деятельностью – спекуляцией, контрабандной торговлей золотом и валютой, попрошайничеством. Кроме того, прибытие беженцев имело негативное влияние и на без того фатальное состояние помещений, которые они занимали, угрожавшее взрывом эпидемии. Нельзя также не отметить, что новые власти имели большие подозрения по поводу возможного шпионажа со стороны беженцев и даже подготовки ими диверсий. Никто не был в состоянии сверить данные, которые подавали беженцы, часто стремясь скрыть свои настоящие фамилии, статус и род занятий. Среди беженцев были и настоящие шпионы. Было также немало людей, которые жаловались на своё состояние, деморализуя тем самым остальное население. Одним словом, ситуация в городах Западной Беларуси складывалась взрывоопасная. Надо было что-то делать. Даже сами беженцы об этом просили.

Уже в октябре 1939 г. началось их переселение в Восточную Беларусь. То, что многих из них принуждали переселяться, даёт основание некоторым историкам называть эту переселенческую акцию “первой депортацией польских граждан” [5]. Она была координирована центральными властями в Москве. Все решения принимались в Кремле высшими партийными органами. Общее руководство осуществлялось Переселенческим управлением при СНК СССР, начальником которого с июня 1939 г. по апрель 1941 г. являлся Е.М. Чекменёв.

Беженцев направляли в колхозы, совхозы и в промышленность. В частности, 14 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило использовать 20 тысяч беженцев из центральных районов Польши (Варшавы, Лодзи, Сувалок, Прасныча, Седлец и др.), первоначально осевших в Белостоке, Бресте, Пинске, Гродно, Лиде, Барановичах, Слониме и Молодечно, при добыче и производстве торфа или на лесоразработках на территории БССР [5].

14 октября 1939 года, на заседании бюро ЦК КП(б)Б было

принято постановление создать специальную правительственную комиссию по размещению и трудоустройству беженцев на территории БССР. И такая комиссия была создана Постановлением Совнаркома БССР № 773 от 25 октября 1939 года [6]. Её главой был назначен И. Горин. Она должна была заниматься вопросами трудоустройства и размещения беженцев в целях «окончательного решения дела». В составе комиссии Горин стал ответственным за регистрацию и вывоз беженцев из Западной Беларуси, Иванов – ответственным за организацию необходимого транспорта, Решетников – ответственным за принятие и размещение беженцев на территории восточных областей БССР [5]. Комиссия утвердила количество тех, кто подлежал переселению – 44786 человек. Однако в результате сбора данных с восточных областей БССР выяснилось, что там были заинтересованы в 23000 беженцах, главным образом в крестьянах. В конце концов, было решено переселить 23693 человека. Выделялись деньги, необходимые на принятие и размещение этих беженцев. Одновременно было принято решение о создании областных комиссий, которые должны были заняться делом их принятия, размещения и трудоустройства [5].

Политика советских властей по отношению к еврейским беженцам носила во многом «импровизационный характер» [6]. Попытки советской власти поступить с беженцами так, как она уже привыкла поступать с советскими людьми, перевоспитать их и навязать работу, к которой они – портные, ремесленники, рабочие, торговцы – были совершенно не приучены, в целом не увенчались успехом. Часть из них отказывалась принять советское гражданство. Отношение к таким беженцам стало настороженным, их рассматривали как социально чуждый, дестабилизирующий элемент.

10 ноября 1939 г. постановлением СНК СССР № 1855/486 была создана комиссия под председательством Лаврентия Берии по вопросу учёта и трудового использования беженцев как рабочей силы, которой поручались также вопросы “обратной эвакуации” (то есть выдворения в Германию) неблагонадёжных или нетрудоспособных беженцев. Около 25000 отказались принять советское гражданство и решительно потребовали отправки в Палестину или западноевропейские страны: таких немедленно эвакуировали обратно, а часть была даже арестована. Судьба подготовила для этих беженцев новые испытания. Массовые депортации забросили многих из них вглубь СССР. Их правовой статус ничем не отличался от статуса тех поляков, которые юридически считались депортированными.

Другая часть беженцев приняла советское гражданство и даже

завербовалась на работы в центральных районах СССР, но большинство всё же попыталось осесть и закрепиться в Западной Беларуси [6].

Таким образом, осенью 1939 г. население Беларуси не осознавало того, какая беда подошла к её западной границе. Вера в демагогические заявления коммунистических лидеров об установлении дружественных отношений с фашистской Германией, о невозможности войны с нею, а также воспитываемая на протяжении всего межвоенного периода вражда к Польше и полякам, не позволили белорусам проявить чуткость к чужой беде, искренне доброе отношение к беженцам из Польши, необходимое им соучастие. Только в атмосфере безразличия к судьбе этих людей стали возможными насилия над ними, массовые депортации, физическое уничтожение. В таком расслабленном, совершенно демобилизованном состоянии белорусское общество встретило 22 июня 1941 г. Великую войну, ставшую для народов СССР Отечественной.

Список источников и литературы

1. Лондонские конвенции 1933 года, 3, 4, 5 июля (Вышинский, 1948) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/3497> – Дата доступа: 06.10.2019.
2. Краткая история Польши. С древнейших времён до наших дней. – М.: Наука, 1993. – 528 с.
3. Советско-германский договор о дружбе и границе. 28 сентября 1939 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/3210> – Дата доступа: 06.10.2019.
4. Kwiecień, M. Działalność prometejska i dywersja na Wschodzie (Relacja mjr. Włodzimierza Dąbrowskiego) / M. Kwiecień, G. Mazur // Zeszyty Historyczne, 2002. – Zeszyt 140. – S. 102–116.
5. Boćkowski, D. Masowe deportacje ludności polskiej z tak zwanej Zachodniej Białorusi jesienią 1939 roku / D. Boćkowski // Europa Nieprowincjalna / Praca zbiorowa pod redakcją K. Jasiewicza. – Warszawa; Instytut Studiów Politycznych PAN, 1999. – S. 983–992.
6. Полян, П. Недостающее звено в предыстории Холокоста [Электронный ресурс] / П. Полян. – Режим доступа: <https://jew-observer.com/stranicy-istorii/nedostayushhee-zveno-v-predystorii-holokosta-3/> – Дата доступа: 06.10.2019.

УДК 930(476):94:327((47+57)+430)"1941/1945"